

АФОРИЗМЫ

Кудрявые мысли

ЛЕОНИД ЧЕРНЫШОВ всю жизнь трудился крановщиком на шихтовом дворе маргеновского цеха. Ветеран литературного движения имеет десятки публикаций в «Магнитогорском металле», при содействии которого несколько лет назад издан сборник стихотворений. Чернышов – лауреат фестиваля «Творить мы не устали».

Для супруги, мечущей гром и молнии, муж был громоотводом.

Не беда, что лысый. Были бы мысли кудрявые.

Оратор не подозревал в себе таланта экстра-сенса. В зале слушатели поголовно ввали в спячку.

Завидую только тому долгожителю, у которого количество лет наполнено качеством жизни.

Дурак жаловался другому дураку: «Вот говорят, что у меня не все дома. Если вообще никого дома не будет, могут обокрасть».

Смотря перед кем ставить вопрос ребром. Могут обломать ребра.

Не в деньгах счастье, если они есть.

Самой крепкой веревкой считается та, которую жена вьет из мужа.

Цены не грибы, растут при любой погоде.

«Молчание – золото!» – сказал проворовавший-ся завмаг, подсовывая ревизору золотые часы.

Был готов на то, чтобы ему изменило чувство юмора, только бы не изменила жена.

Не бил лежачего при свидетелях.

Если иную песню не поют, значит, ее песенка спета.

Ты мне скажи, кто я, а я тебе скажу, кто ты. И мы будем квиты.

Щелкни муху по носу, но сохрани ей жизнь.

Независимость – единственное, от чего бы я хотел зависеть.

Годы – не волосы, их не сбреешь.

Канул в водку.

Невероятно, но фрукт.

Дурак только под пыткой признается, что он дурак, да и то только потому, что ему больно.

Чем выше солнце, тем сильнее греет. Чем выше чин, тем холодней вокруг.

В ресторане. Вечно недовольный клиент: «Пожуем – увидим».

Ему подали стакан холодного чая, он вскипел.

Дурака без печати на лбу считать недействительным.

Говорят, что дурак дурака видит издалека. А на каком конкретно расстоянии? А если он близорукий?

В таком маленьком человеке столько умещалось зла, что аж зла не хватает.

Почему у инго совесть грязная, а ноги чистые? Потому что свои ноги вытирает о совесть.

Ушел в себя и думал – не найдут.

Сделай так, чтобы инфаркт не знал, в какую сторону от него побежишь.

Когда яйца начинают учить курицу, пора жарить яичницу.

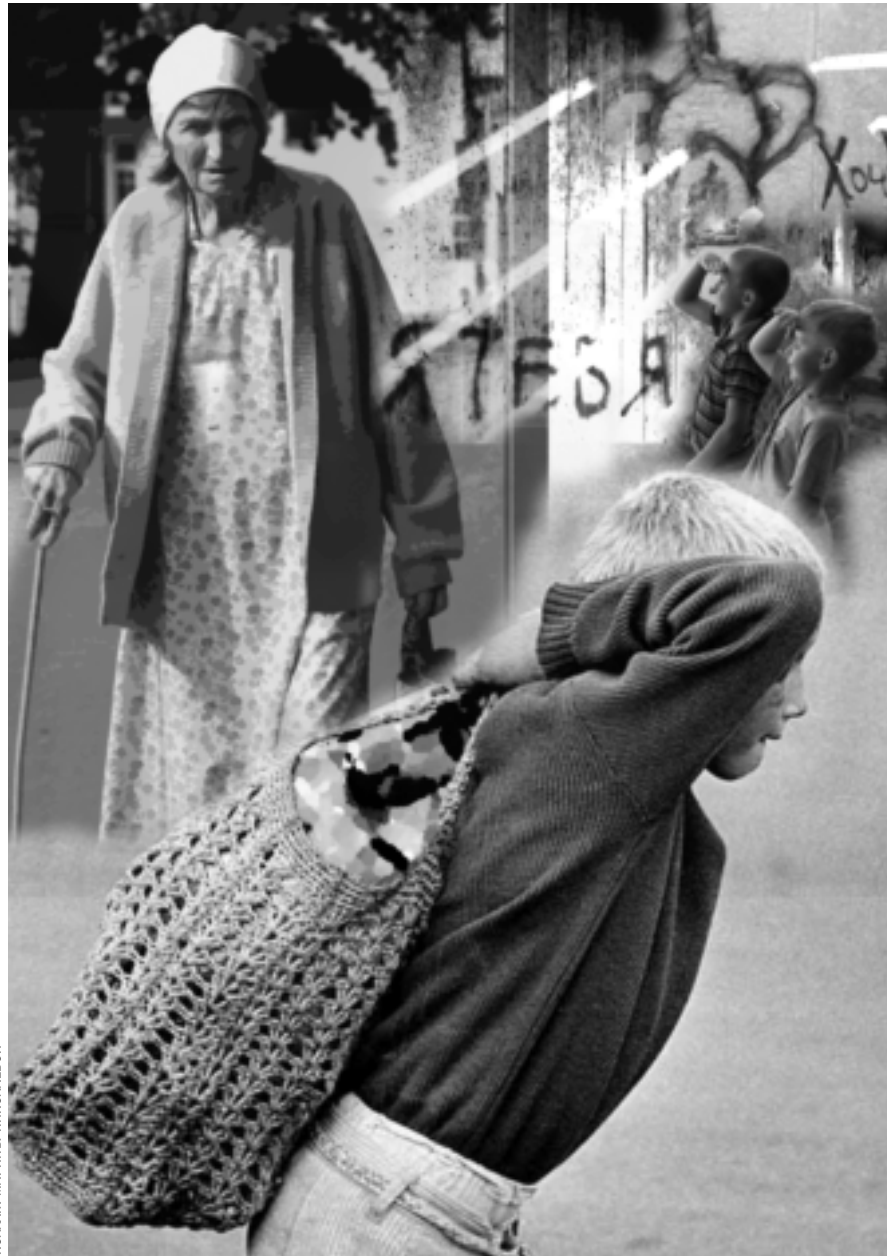
Прежде чем насолить своему недоброжелателю, узнай, любит ли он соленое.

Гвоздь не виноват, что его забили в гнилую доску.

Здание мудрости строится на фундаменте души.

Нотации иной раз дают совершенно обратный эффект

СЕКРЕТЫ ПЕДАГОГИКИ

КОЛАЖ МАРИНЫ НИКОЛАЕВОЙ

ЗОЯ ФЕДОРОВНА собралась идти на рынок. Благо, он находился рядом. Для ее возраста это было важно.

Ноги иногда побаливали, и ведро картошки допереть до дома было делом иногда довольно проблематичным. В принципе, это была вовсе и не ее обязанность, но дед (муж) категорически отказался сегодня идти на базар. У него, как назло, сердце прихватило. Но ничего, у бабули силы еще были, и она потихоньку начала собираться в дорогу. Именно потихоньку. Чтобы нигде в узкой полуметровой прихожей не удариться. Ни коленкой, ни ступней, а то – она уже это знала точно – на следующий день появятся синяки или какие другие болячки. Потому-то, когда она открыла свою дверь, двое мальчишек в подъезде ее не услышали. Уж больно старушка аккуратно все делала. И только когда дверь хлопнула, те испуганно оглянулись. В руках у этих оборотов был то ли маркер, то ли еще какой пишущий инструмент, и они в этот момент старательно выводили на белой, недавно окрашенной «жэковскими» малярами стене непотребное слово. Увидев бабулю, так некстати вывернувшую на место преступления, те дали деру.

– Бессовестные! – закричала им бабушка вслед. – Как не стыдно! На заднице бы у вас все это написать! Вот уроды! Калеки нравственные!

Отрицательная энергия, выплеснутая ею в последних словах, видимо, дошла до молодого поколения, потому что те, когда женщина спускалась мимо очередного подъездного окна, не преминули показать старушке с улицы язык, всякие

рожицы и оказать другие «знаки внимания» не менее подобающего качества. Когда же Зоя Федоровна вышла на улицу, их и след простыл. Но она не сильно расстроилась. «Ничего... Перебесятся», – спокойно подумала она.

В прошлом Зоя Федоровна была учителем и всякого повидала. Таким поведением ее особо не удивить. Единственное, что расстраивало: ничего пока в этом мире не меняется. Хамство, вандализм, нравственная безграмотность пока неискоренимы. «С этим родилась. С этим, наверное, и умру», – грустно подумала бабушка, потихоньку перебирая ножками в направлении своего рынка.

...На базаре она нос к носу столкнулась со своей бывшей ученицей. Та обрадовалась. Начала ей рассказывать-хвалиться про свою жизнь, про мужа, про семью, вспоминать какие-то школьные истории, учеников: кто сейчас где и как устроился... Зоя Федоровна ее, конечно, помнила и вроде бы искренне была рада встрече... И ее задору, и оптимизму, и счастливо сложившейся жизни. Если бы не одно обстоятельство. Чуть поодаль за спиной ее старой знакомой стояла парочка, именно тех пацанов, что еще недавно дразнили старушку возле подъезда. Зоя Федоровна сразу узнала их рыжие волосы. Она тут же почему-то вспомнила и Буша, и Чубайса, и даже короля Ричарда. Те тоже были рыжими. Она с детства чисто инстинктивно, на каком-то генетическом уровне боялась встречи с красноволосыми людьми. Зое Федоровне они всегда казались более задиристыми, более рискованными, а значит, и более опасными.

Но в то же время учительница признавала, что люди такой масти в жизни всегда напористы и удачливы. То, что эти мальчишки – дети ее бывшей ученицы, она сразу догадалась по тому, как те топтались рядом: и убежать бы рады, а нельзя... и бесполезно! Все равно попались по полной программе!

– Твои, что ли? – спросила Зоя Федоровна и кивнула на мальчишек. И когда получила утвердительный ответ, продолжила. – Хорошие, небось. Смотри, глазки-то какие смышленные. Это они здесь, наверное, чтобы помочь чего-нибудь?..

– Хорошие... смышленные... – саркастически закивала бывшая ученица. – Лупить их надо! Если б знали вы, Зоя Федоровна, какое это наказание. Но что сделаешь – мальчишки... А на рынке – да... Мы тут потому и договорились встретиться: они – после школы, я – после работы... Наберу тут бог знает чего, а потом тащить до дому... Пусть помогают. А вы тут зачем? – только сейчас молодая мамаша заметила в руках своей учительницы пустую сумку.

– Я за картошкой, милочка. Ведерко вот решила прикупить, – и тут Зоя Федоровна набралась наглости. – Послушай, Валя (так звали бывшую ученицу), я тут за углом, буквально за этим домом живу. Это пять минут, не больше... Ты пока тут что-то будешь выбирать, они мне эту картошку и дотащат! Раз уж такая оказия вышла, позволь воспользоваться. Не перетрудятся, думаю. Уверена, зря ты их ругаешь...

И два рыжеволосых брата, как под конвоем, с опущенными головами несли два ведра картошки Зое Федоровне. Два, потому что бывшая учительница решила использовать этих друзей, раз уж так вышло, на все сто.

– Два-то дотащите?.. – ехидно спросила она своих подопечных, когда решила перевыполнить программу своей закупки.

– Да мы вам хоть три... – с готовностью ответили те.

«Лишь бы ты, тетка, дальше про наши проделки помалкивала!» – мысленно продолжила за них Зоя Федоровна, и протянула сумку провинившимся.

Всю дорогу молчали – пожилая женщина решила не беречь «былые раны» мальчишкам. И так все ясно – чего тут нотации читать! Со школьных времен знала – иной раз это дает совершенно обратный эффект. И только в подъезде, в прихожей, когда ее помощники опустили сумку на пол и собрались восвояси, она их остановила. Намочила тряпку и кинула одному из них.

– Ну-ка, стирайте свои художества, – произнесла она. – Где вы живете, я, конечно, не знаю. И если сейчас удерете и оставите все, как есть, вам, естественно, за это ничего не будет. Но думаю, почему-то уверена, что вы этого не сделаете.

И потом она с удовольствием наблюдала, как эти два еще недавних, по ее словам, «нравственных инвалидов» усердно терли испорченную ими стеньку. Когда же старушка брала от них обратно тряпку, не постеснялась сказать «спасибо». Пацаны от удивления чуть не подпрыгнули. Они ожидали всего: нравуучений, обвинений, снобизма... А тут простое человеческое «спасибо» без всякого выпендрежа и ехидства за их же, если говорить честно, пакостные дела.

– Это вам спасибо, – не задумываясь, чисто на автомате, ответил один из рыжих. Как отметила учительница, наиболее конопатый братец.

– А мне-то за что? Вы тащили. Вы стеньку терли...

– Сами знаете, за что, – ответил подросток.

И теперь уже спокойно, не торопясь (не как тогда!), она развернулась и, как показало Зое Федоровне, с неким достоинством покинула подъезд.

– Если б я знала, за что... – думала Зоя Федоровна, глядя в окно вслед удаляющимся братьям. – Если бы человечество знало все секреты педагогики, разве у нас на Земле были бы тюрьмы, войны, зло...

Она смотрела на этих двоих, и ей казалось, что сейчас они опять развернутся и снова начнут махать руками, строить рожи и кривляться. Ничего, конечно, этого не произошло. Мальчишки даже не обернулись.

АНДРЕЙ КУДИНОВ.